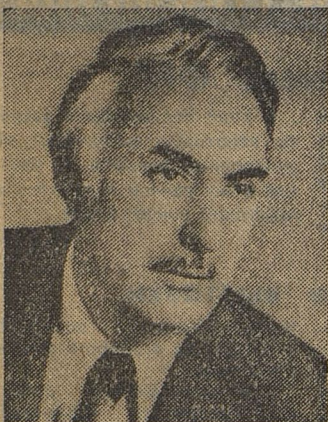

Отар ТАКТАКИШВИЛИ:

ДОРОЖИТЬ ИСТИННЫМИ ЦЕННОСТЯМИ

Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Отар Васильевич Тактакишвили широко известен как автор симфоний, кантат, опер, произведений других музыкальных жанров. Композиторское творчество он совмещает с государственной деятельностью, являясь министром культуры Грузинской ССР. Размышления об искусстве, его роли в духовной жизни народа, в борьбе за мир на планете — тема беседы Отара Васильевича Тактакишвили с нашим корреспондентом.

— Главный смысл и цель литературы Лев Толстой полагал в том, что она призвана объединять людей, заставлять любить жизнь в бесчисленных, никогда неистощимых ее проявлениях...

— Музыка — одна из самых облагораживающих сил, она очищает и возвышает человеческую душу. Ее смысл и цель те же, что и у литературы. Впрочем, как и у всего искусства.

— А вы не думаете, что в словах Толстого может смутить вот что: неужели нужно ЗАСТАВЛЯТЬ любить жизнь?

— Смутить? Пожалуй. Лишь бы в следующий миг человек захотел понять, в чем тут дело, что имел в виду именно Толстой. Стоит самому себе задать вопрос: «Люблю ли я жизнь?», чтобы убедиться, как не просто на него ответить. Что вообще есть жизнь, в чем ее высший смысл, живешь ли ты достойной жизнью человека своего времени и своего общества? Над этим в той или иной форме и мере неминуемо задумывается каждый, кто хотел бы послужить людям, нашей прекрасной Советской стране, всему человечеству.

— Не секрет, что кое у кого на Западе нынешняя ситуация в мире, сложившаяся перед лицом ядерной угрозы со сторо-

ны империализма, породила равнодушие, а то и отчаяние...

— Да, есть и такие, кто впал в состояние апатии, привык к мысли о неизбежности насилия, жестокости, ненависти в этом мире. Большая беда, когда этим заражен человек, работающий в искусстве. Что может он подарить человечеству, кроме микроба, поразившего его самого?

— Утрата вкуса к жизни — тяжелая болезнь.

— Такая психология — горький плод ядерного психоза. Но сегодня мы видим и другое. Миллионы людей не только выстояли, не поддались наглому, бесчеловечному буржуазной пропаганде, развращающей душу, но и победили: утвердили высокое звание человека, включились в борьбу за мир.

— Люди выступают в сопротивление с военной угрозой империалистических сил вовсе не из одного инстинкта самосохранения...

— Думаю, что на первом месте здесь — человеческое достоинство, которое неотвратимо заставляет любить жизнь. Народы как никогда ясно осознали себя творцами истории. Великий Октябрь четко показал будущее земли, но именно такое будущее и хотел бы задушить империализм, чем, я убежден, и

вызван в ответ небывалый гнев человечества. Суть победы, о которой я говорю, в том, что человечество постепенно избавляется от страха. Страх ослепляет и, ослепляя, отчуждает людей. Отчуждению людей, к слову, служит и, с позволения сказать, искусство ужасов, шпиономании, бессмыслицы. Люди же неостановимо движутся к объединению, которое не иллюзия, а насущная духовная, хочу подчеркнуть особо, потребность испытать ни с чем не сравнимое чувство братства и дружбы как реальность. Без этого невозможно полнота бытия.

— И мир?

— Да. Но не просто как состояние без войны, а как условие взаимопонимания и общения. Разве не об этом мечтал Шота Руставели, оставив завет грядущему нам с вами: «Кто друзей себе не ищет, тот враждует сам с собой». Найти друга — значит прежде всего обрести общий язык. Роль искусства здесь необычайно велика, без преувеличения — незаменима. Как единое человечество в Данте, Бахе, Шекспире, Достоевском, Мусоргском! Язык высокого искусства — язык будущего. Он — то дыхание весны, которого только и ждет зерно мира, чтобы прорасти.

— Стало быть, каждый человек, думающий о будущем, обязан учиться понимать этот язык?

— Требуя многого от искусства «должного», «обязанного», «призванного», мы зачастую слишком снисходительны к себе в качестве читателя, слушателя, зрителя. Духовная культура — это прежде всего культура выбора, нечто прямо противоположное слепому следованию моде, этому отвратительному олицетворению духовного мещанства. Дело, объясняюсь, в том, что и как мы воспринимаем, хотим или умеем выбирать то, что призвано сделать человека лучше. Кстати, достоинство человека и в этом — воспринимать как личное оскорбление, когда ему вместо настоящего искусства подсовывают суррогат.

— А как быть со вкусами? Одним нравится эстрада, дру-

гим... — Я не разделяю музыку по жанрам. «Людям нужны все виды музыки — от простого напева свирели до звучания огромного симфонического оркестра, от незатейливой популярной песенки до бетховенских сонат». Чьи, вы думаете, слова? Шостаковича! Но что правда, то правда — существует проблема негативного влияния так называемых шлягеров. А в духовной сфере все, что не возвышает человека, унижает его.

— Какой же выход?

— Напомню слова академика А. А. Ухтомского: «...Знаете, я с громадным страхом подхожу к музыке, особенно такой, как Бетховен. Ведь тут все самое дорогое для человека и человечества. И безнаказанно приближаться к этому нельзя — это или

спасает, если внутренне человек горит, или... Искусство, ставшее только делом «удовольствия и отдыха», уже вредно — оно свято и бесконечно только до тех пор, пока судит, жжет, заставляет гореть... Бетховен творил потому, что страдал за человечество и будил человека...

— Кстати, заметьте: Ухтомский повторяет вслед за Толстым «заставлять».

— У этого глагола есть благородный синоним — «побуждать». Сражаясь за достоинство человека, искусство побуждает его дорожить истинными ценностями. Оно должно, обязано делать нас с вами лучше, чище. Человек, глухой к красоте, может оказаться глухим и к будущему, которое ведь мыслится как торжество гармонии духа и технического прогресса. Под красотой я понимаю высокие гуманистические идеи, талант, направленный на утверждение добра, творческого деяния, результатом которого должно явиться человеческое счастье. И в этом смысле советское многонациональное искусство — яркая жемчужина в мировой культуре — играет особую роль в созидании новой цивилизации: мира социального равенства, гуманизма, братства людей.

— Можно ли сказать, Отар Васильевич, что в наш век НТР музыка в этом смысле созвучна науке? И есть ли вообще тут какая-либо связь?

— Несомненно, в строительстве нового общества наука и искусство участвуют равно плодотворно. Не случайно, думаю, скажем, о Чайковском, Скрябине, Рахманинове, на ум приходят имена Менделеева, Павло-

ва, Циолковского... Суть творчества одна — открытие и утверждение гармонии бытия, поиск в ней места человека. А разве в сочинениях Прокофьева, Шостаковича, Свиридова, Гаврилина, Тормиса (называю композиторов, мне наиболее близких по духу) не отразился восторг, который вызывает в нас прорыв в тайны природы, фантазия ученых, устремляющих человечество к звездам? Творить — значит любить прекрасное. Это отразилось даже в нашей обыденной речи: говорим же мы «красивая формула», «открытие в музыке»...

— Наука и искусство обязаны сегодня быть вместе, рядом и в том, чтобы предотвратить угрозу самому существованию человечества?

— Конечно. Но с одним важным уточнением: сегодня в борьбе за мир обязаны быть вместе не просто наука и искусство, а люди науки и искусства. Наивно думать, что «мировая культура» — сама по себе, а мы, люди, — сами по себе. Можем ли мы все вместе и каждый в отдельности с чистой совестью сказать, что в полной мере сделали великие прозрения лучших умов человечества принципом своей жизни. А главное из их прозрений — ценить и беречь мир.

— В чем здесь урок для сегодняшнего искусства?

— В неодолимом стремлении выразить величие человека и творимого им нового мира, передать красоту жизни. И, что тоже немаловажно, — научить людей отличать настоящее искусство больших и светлых идей от псевдоискусства духовной нищеты, которым хотел бы нас потчевать наш идейный оппонент. Душа прекрасного — человек, герой нашей эпохи, во имя которого в глубине времени высекали свет Толстой и Бетховен, а сегодня творят лучшие современные художники.

Беседу вел
В. КОРКИН.